

Хатидже Баяна

**АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА
«ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ»**

© Баяна Хатидже – аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

E-mail: haticebayana@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4574-0371>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется духовная проза Б.К. Зайцева. Ее особенности рассматриваются в контексте традиций житийной литературы, которые в XX веке были серьезно переосмыслены. Старшие писатели-эмигранты относились к житиям не как к литературным памятникам, а как к основе формирования сознания молодых эмигрантов, которым, как они полагали, предстоит вернуть страну к своим истокам. Повесть Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» входит в его известную житийную трилогию о Сергии Радонежском, Алексее Божьем человеке и преподобном Авраамии (1925–1934). Писатель показывает Свято-Троицкую Лавру как пример и начало процесса духовного и государственного возрождения Руси, что отвечало надеждам русских эмигрантов на победу над Советами. Следуя тексту Епифания Премудрого и сохраняя эмоциональную ровность, Зайцев придает свою интерпретацию узловым эпизодам из жизни Сергия. Мы видим образ преподобного Сергия Радонежского в разных ситуациях: ребенок, отрок, юноша, монах, настоятель, что позволяет представить и «лицо», и «лик» святого. Подвижничество Сергия показано в контексте известных подвижников как православной, так и католической церкви. Житийный и философский центр в повествовании – духовный подвиг как акт личной жизни, жизни монастырской общины, страны. При этом описание высокой миссии Сергия сочетается с историей быта и монашеского общежития Лавры. Писатель показывает, с какими трудностями общинного существования сталкивалась русская монастырская жизнь. В статье акцентируется внимание на антитезе как одном из композиционных приемов повествования.

Ключевые слова: христианство, православие, монашество, духовный смысл, русская государственность, монастырь.

Цитирование. Баяна Хатидже. Актуализированная история в произведении Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 104–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-104-108>.

Hatice Bayana

ACTUALIZED HISTORY IN THE WORK OF B.K. ZAYTSEV
«VENERABLE SERGIUS OF RADONEZH»

© Bayana Hatice – postgraduate student, Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119899, Russian Federation. E-mail: haticebayana@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4574-0371>

ABSTRACT

In the article the religious prose of Boris Konstantinovich Zaytsev is analyzed. It is considered in the context of Russian medieval religious literature that was deeply rethought by Russian emigrant authors. The themes of Orthodox culture and spirituality were very important for them because they believed that their mission was to preserve the pre-revolutionary Russian culture. The story «Venerable Sergius of Radonezh» which is written by B.K. Zaytsev is included in the well-known trilogy of the author about the life of the saints. So we can compare St. Sergius with others. The image of the Trinity-Saint Sergius Lavra is presented as a sacred center of Russian Orthodox culture and statehood. Following the words of Epiphanius the Wise and preserving the emotional evenness, Zaytsev lends his interpretation to the key episodes from the life of Sergius and Lavra. Saint Sergius is just an example, favorite by the people themselves – clarity, light transparent and equal. St. Sergius left, in his influence on the world, from the historical framework. Having done his job in life, he remained a figure. We saw Sergius as a thoughtful boy, quietly obedient; a young hermit, and hegumen, and the elder famous Sergius. He is a delicate, modest and selfless man at the same time he is a spiritual leader and a significant public person. The description of the high mission of Sergius is combined with the history of the monastic community of the Trinity-Saint Sergius Lavra. Zaytsev demonstrates that the monastery had a significant influence on the Russian medieval society and played an important role in revival of Russian medieval state. The article focuses on the antithesis as one of the compositional techniques of narration. The asceticism of Sergius is shown in the context of the famous ascetics of both Orthodox and Catholic churches.

Key words: Christianity, Orthodoxy, monasticism, religious meaning, Russian statehood, monastery.

Citation. Bayana Hatice. Aktualizirovannaja istorija v proizvedenii B.K. Zajtseva «Prepodobnyi Sergii Radonezhskii» [Actualized history in the work of B.K. Zaytsev «Venerable Sergius of Radonezh»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 104–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-104-108>.

В литературном наследии Русского зарубежья религиозные аспекты занимают особенное место. И. Шмелев, Б. Зайцев, А. Куприн, И. Бунин, М. Осоргин создали произведения, посвященные вопросам православной культуры, истории, духовности. Эмигрантский период творчества каждого из этих писателей – время тоски по родной культуре, поиска ответов на вопросы о причинах разрушения государства, обращение к истории и аксиологии православия. Феномен святости приобретал для них личностный характер и побуждал к исследованию житийной литературы. В житийной трилогии Зайцева (1881–1972) о Сергии Радонежском, Алексее Божьем человеке и преподобном Авраамии (1925–1934) силой творческой интуиции феномен святости осмысливается в различных ипостасях, в единстве индивидуального и надличностного измерений. Образ святости Руси был воссоздан Б.К. Зайцевым в книгах «Афон», «Валаам», в очерках о святых Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадтском, Патриархе Тихоне. Он запечатлел образы церковных служителей и простых мирян, которые на своем трудном земном пути обретали веру и «сами светили миру своим примером и обликом» (Зайцев, с. 297).

При анализе повести Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» неизбежны обращение к традициям житийной литературы и их осмысление в XX веке, понимание приоритетов в создании сюжета и образа преподобного Сергия, значения, которое писатель видел в Свято-Троицкой Лавре.

Жанр житийной литературы – культурологическая и духовная ценность. Причем писатели, обращавшиеся к русской святости, преследовали цель как укрепления духовности и идей государственности в эмигрантской среде, так и приобщения европейского читателя к ценностям российской культуры. По словам И.М. Любимова, сказанным о Зайцеве, «отныне свою миссию русского писателя-изгнанника он осознает как приобщение и соотечественников, и западного мира к тому сокровищу, которое хранила Святая Русь, – православию» [Любимов, с. 16].

Зайцев относился к жителям не только как к литературным памятникам, но и как к основе формирования сознания молодых эмигрантов, которым, как полагали старшие эмигранты, предстоит вернуть страну к своим истокам. Б. Зайцев, А. Ремизов, Н. Зернов и многие другие актуализировали судь-

бы святых. XIV век называют веком преподобного Сергия Радонежского, он насыщен крупными историческими событиями [Федотов, с. 150]. Обращаясь к роли преподобного Сергия в Куликовской битве, Зайцев, несомненно, заострял вопрос о национальном самосознании; история примирения отцом Сергием Рязанского и Московского княжеств имела прямое отношение к задаче сохранения государства в XX веке. Зайцев показал не только «духовный» лик святого, но и его значимость для Древней Руси как общественного деятеля. Святой Сергий создал свой монастырь в отрыве от мира, но он не покидал мир с его заботами и нуждами. Власть имущие прислушались к его мнению. Следуя примеру святого Антония из Египта, первого христианского отшельника Востока, отец Сергий покинул свой монастырь и отправился в Москву, укрепляя московского князя духовно и поддерживая его в государственных делах. Судьба Русской земли решалась и в келье Троицкого игумена [Скрынников, с. 112]. Зайцев показал Свято-Троицкую Лавру как пример и начало процесса духовного и государственного возрождения Руси, что отвечало надеждам русских эмигрантов на победу над Советами.

История Белого движения переживалась эмигрантами как жертвенный подвиг, что видно из публицистики И. Шмелева, А. Куприна и др. Житийный и философский центр в повествовании Зайцева — духовный подвиг как акт личной жизни, жизни монастырской общины, страны. Сложившаяся типология подвижничества говорит о том, что каждый духовный подвиг нацелен на сохранение, созидание, но не разрушение, что также отвечало восприятию революции как волюнтаристского слома устоев. Когда мы говорим о типах подвижничества, мы имеем в виду следующее: преподобнический тип («Житие Сергия Радонежского»); тип кетонический, уподобленный подвигу Христа («Житие Бориса и Глеба»); святость общественного долга («Житие Александра Невского»); деяния праведных жен («Повесть о Петре и Февронии Муромских»); сочетание святости и греховности («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»).

Преподобнический подвиг осуществляется через монашескую аскезу и монашеские труды. В Евангелии приведены такие слова Иисуса Христа: *«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф. 19: 29). Однако преподобный Сергий и его брат, вняв просьбе родителей не оставлять их, свои труды по созиданию монастырского мира начали уже после их смерти. Оставив «дома» и «земли», отец Сергий основал новые «дома», в которых жизнь уподоблена жизни Иисуса Христа, основана на следовании Его заповедям.

Текстологические аспекты, анализ сюжета, композиции, исследование топоса житийных текстов недостаточны для понимания произведений религиозной тематики, связанных с литургической практикой. Таким образом, жития — самая значительная часть христианской литературы, а сам жанр обладает своими особенностями создания и построения текста, канонами, приемами и типичными схемами в построении текста.

Когда житие одного и того же святого переписывают или оно пересоздается, проявляется отпечаток индивидуально-личностного отношения переписчика или автора к святому, что нарушает сакральность житийной литературы [Топоров, с. 191]. Повесть Зайцева отличается тем, что он смог избежать этой ситуации и представил нам свое произведение как иконографическое, при этом усложнив его разнообразными описательными деталями и характеристиками. Конечно, у него проявилась и «память жанра», по М.М. Бахтину. Так, Зайцев неоднократно ссылается на жития преподобного Сергия, написанные Епифанием Премудрым. Вместе с тем строгое следование известным реалиям сопровождается целым рядом ассоциативно-визуальных образов, которые передают личностное восприятие автором типа русской души и др.

Мы видим образ преподобного Сергия Радонежского в разных ситуациях: ребенок, отрок, юноша, монах, настоятель. Словесная визуализация образа помогает увидеть «лицо» и «лик» святого. Д.С. Лихачев в монографии «Человек в литературе Древней Руси» (1958), оказавшей большое влияние на развитие литературоведческой науки XX в., «рассмотрел художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения» [Лихачев, с. 3]. Соединение светскости и иконописности текста — отличительная черта повести Зайцева. Образ Сергия Радонежского, воссозданный Зайцевым, воплощает в себе основные черты, присущие русской святости: кротость, смирение, бескорыстие, нестяжание, с одной стороны; активную общественную и политическую деятельность — с другой. В повести описание повседневной жизни монастыря сочетается с темой высокой миссии преподобного Сергия, что особенно проявляется в эпизоде чудесного явления ему Богородицы, в истории его отношений с митрополитом Алексием, в описании Зайцевым дальнейшего возникновения многочисленных монастырей.

Образ жизни в общине описан через повествование об образе жизни преподобного. Зайцев эмоционально сдержан, сохраняет ровную интонацию на протяжении всего повествования. В повести нет духовного восторга паломника, ярко представленного в «Богомолье» Шмелева. Задача Зайцева иная: он описывает труды преподобного, духовное и материальное устройство монастыря.

В сюжете Лавры сохранена хронологическая последовательность. Исторический факт основания обители зафиксирован в 1345 году, когда все началось с отшельнического подвига преподобного Сергия в маленькой деревянной церкви. Стремление к уединению и молитве побудили святого к претенциозной и тихой, духовной жизни в лесу. Созидание Лавры началось с шалаша, потом срубленной кельи и церквушки на Маковице, далее — с обнесенных тыном двенадцати келий братии, которая жила, как сказано в повести, сурово и тихо, далее — с обновленной церкви Святой Троицы.

Зайцев отмечает, что монастырь жил по уставу Феодора Студита. Устав строго регламентировал жизнь монахов, его положения начинаются словами «должно знать», «нужно знать», «надлежит знать». Студийский устав учреждал отказ от личного имущества и правило общинной жизни, описывал рас-

пределение обязанностей. Как пишет А.М. Пентковский: «К нормативным дисциплинарным текстам студийского происхождения относятся *Монашеские заповеди*, *Главы о трапезах* и *Главы о распределении пищи*. *Монашеские заповеди*, составителем которых был преподобный Феодор Студит, регламентировали монастырскую жизнь в общежительном монастыре. Этот текст начинался статьей о необходимости повиновения игумену и содержал предписания и наставления, определявшие различные стороны монастырской жизни, в том числе предписание о порядке временного выхода из монастыря, наставление о бережном отношении к монастырскому имуществу, запрещение монахам собираться вместе, предписание регулярно исповедоваться игумену, наставления последнему о наложении епитимий, список монастырских должностей, предписание о бережном отношении к монастырским финансам, замечания о приготовлении теста для просфор и хлеба, изложение норм приема в монастырь. Завершались *Монашеские заповеди* статьей об избрании игумена и статьей о монастырской больнице» [Пентковский, с. 69].

Зайцев, подчеркивая роль отца Сергия, пишет и о том, с какими трудностями общинного существования сталкивалась русская монастырская жизнь, в том числе в монастыре самого преподобного. Перенятое из Греции и введенное на Руси Антонием и Феодосием Печерскими, общежитие впоследствии было вытеснено особностью, особножитным бытием. Обособленный порядок поначалу был установлен в монастыре на Маковице, где преподобный Сергей разрешал монахам иметь в кельях личную собственность, но, как пишет Зайцев, она породила среди монахов зависть. Введение общежития возвращало монашескую жизнь к порядку первохристианской общины. Зайцев пишет об упразднении в монастыре собственности, о трудах и молитвах монахов, о статусе келаря, духовника, экклезиарха, параэкклезиарха, канонарха.

В специальной литературе отмечается меньшая по сравнению с Иерусалимским уставом строгость Студийного устава. Но, возможно, такая особенность уравновешивалась осторожностью Сергия в вопросах пострига [Ключевский, с. 317]. Зайцев отмечает, как пристально преподобный изучал душевное состояние пришедшего. Автор ссылается на Епифания, который описывал, как преподобный следил за человеком, проходившим послушание. В повести говорится о статусе Сергия-духовника, о Сергии-воспитателе, налагавшем епитимии. Вместе с тем он внушал не страх, а чувство поклонения и уважения.

Духовное руководство общиной дополнилось заботой о быте монастыря. Со временем развилось собственное монастырское хлебопашество, на полях трудились монахи, нанятые крестьяне, добровольные помощники. Как показал Зайцев, сравнивая отца Сергия с Франциском Ассизским, преподобный не был проповедником, он учил насельников монастыря своим примером. Так, он построил сени к келье старца Даниила, который мог отплатить ему только кусками гнилого хлеба; он носил воду в гору, перетаскивал бревна, молот зерно, шил одежду и обувь, выпекал хлеб, работал в огороде (показателен эпизод встречи преподобного и крестьянина в монастырском огороде). Преподобный воспитывал в братии трудолюбие. Зайцев наполнил текст многочисленными бытовыми подробностями.

Сквозной мотив в описании жизни насельников монастыря — нестяжательство при явной бедности. Зайцев пишет о том, как не хватало воска, вина для совершения литургии, лампадного масла. Показателен эпизод, в котором описано чудо спасения от нужды, дар от неизвестного жертвователя — повозки с хлебом, рыбой. В главе «Общежитие и тернии» говорится о том, как преподобный запрещал монахам просить о вспомоществовании, но разрешал принимать дарения, как постепенно из монастыря ушла нужда. Таким образом, благодаря Сергию в жизни братии не было крайностей; Зайцев упоминает о том, как францисканцы не выдержали крайностей Франциска Ассизского.

Писатель акцентирует внимание на тактике Сергия в организации быта и бытия общины. Говоря о том, что Сергей не ставил во главу угла формализацию ее жизни, он противопоставил преподобного Сергия преподобному Феодосию Киево-Печерскому, предельно требовательному в исполнении своих указаний и опирающемуся на тактику подчинения. Строгий к братии и к себе, не снимавший власяницы, страстный в аскетизме, в испытании своей плоти, он, как мы узнаем из его жития, в быту следовал словам Господа: «*Безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?*» (Лк. 12:20). Феодосий представляет отличный от Сергия тип подвижника. Сопоставление Сергия с другими учителями веры — повторяющийся прием повести, выявляющий особенности поведения прежде всего самого преподобного. В отличие от Феодосия, как и Франциска Ассизского, он вел жизнь без религиозного или чувственного экстаза, без чрезвычайности, что соответствовало самой живой жизни. Однако отметим, что в житиях преподобный Феодосий также показан человеком труда; например, сам покупал пшеницу, молот ее, готовил просфоры, носил воду из колодца, колот дрова. Зайцев не описывает тех черт Феодосия, которые сближают его с Сергием, его задача — подчеркнуть неамбициозность Сергия-деятеля. Так, он описывает, как Сергей отказывался от игуменства, от учительства, предпочитал подчиняться.

Отметим еще одну особенность восприятия преподобного Зайцевым. Сергей насаждал порядок, дисциплину, при нем труд стал приоритетом в жизни братии. Тем самым, как считал Зайцев, он устанавливал в радонежских лесах западную культуру. Как справедливо пишет Н.М. Солнцева, имея в виду и его скромность, и его трудовую жизнь: «И хотя в обители Сергия укоренились черты западной монастырской культуры, для Запада немыслим характер Сергиева игуменства» [Солнцева, с. 17].

В повествовании говорится о знаковых в жизни монастыря и страны людях. Например, о первом келаре преподобном Никоне, который впоследствии стал игуменом, об исповеднике братии — знаменитом Савве Сторожевском, о племяннике Сергия Феодоре — лаврском иконописце. Зайцев передает версию, согласно которой иконописное искусство из Лавры было перенесено в московский Андрониев монастырь, с которым связано имя Андрея Рублева. Особый фрагмент посвящен искусству списания книг, переплетчиков; упомянуты

Евангелие и Служебник преподобного Никона, писанное иноком Антонием произведение византийского духовного писателя «Поучения Аввы Дорофея», писанная Варлаамом «Лествица» 1411 года, писанный уже при игумене Никоне Псалтырь.

Но «Преподобный Сергей Радонежский» — не идиллия, Зайцев описывает конфликтные ситуации монастырской жизни, подчеркивая, что насельники монастыря — прежде всего люди с их слабостями и сомнениями. Зайцев показывает борьбу характеров и амбиций в стенах монастыря. Говорится об уходе в Москву брата Стефана, о недовольных Сергием во время голода и из-за его призывов к трудной жизни, наконец, об уходе преподобного из монастыря после проявления гордыни вернувшимся Стефаном. Сдержанный в интерпретациях и трактовках, Зайцев все же дает свои объяснения этому поступку преподобного. Он опять же возвращается к личности Феодосия Печерского, который подчинил бы себе недовольную братию и не покинул бы монастыря, и обращается к таким чертам преподобного Сергия, как смирение и умение слушать внутренний голос, вернее — волю Господа. Уход игумена обернулся для Лавры смятением, уходом преданных ему монахов вслед за ним на Киржач. Возвращение Сергия в Лавру описано цитатой из сочинения Епифания.

Как показано в «Преподобном Сергии Радонежском», созданная Сергием Лавра стала образцом для многочисленных русских монастырей. Зайцев опять же прибегает к сравнению. Он отдает должное Киево-Печерской Лавре как прародительнице русских монастырей, но отмечает, что «Киев и киевская культура слишком эксцентричны для России, слишком область, местное» и Киев «слишком надломился» (Зайцев, с. 324). Сергиева Лавра выполнила свою миссию в жизни России. В финале созданная преподобным Сергием обитель именуется «узлом духовного излучения» (Зайцев, с. 347).

Символично для сознания русских эмигрантов прозвучал мотив о деяниях учеников Сергия, о строительстве монастырей по всей России. Как пишет И.Б. Ничипоров: «В этой преемственности традиции монашеского учительства Зайцевым прозревается мистическое и одновременно культурное, социально-историческое преображение русского пространства, одухотворение той жизни, что «родится в лесных краях, глухоозерных»» [Ничипоров, с. 97].

Источники фактического материала

Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский // А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев. Проза. М.: Олимп; АСТ, 2000. С. 297–354.

Библиографический список

Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 93–106.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 312–324.

Любимов И.М. Заступник Москвы — преподобный Сергей Радонежский // Любимов И.М. Малознакомая Москва. М.: Гелиос АРВ, 2003. С. 15–24.

Ничипоров И.Б. Преподобный Сергей Радонежский в русской литературе XX века // Московские епархиальные ведомости. 2013. № 9–10. С. 95–97.

Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // ЖМП. 2001. № 5. С. 69–80.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука, 1991. 397 с.

Солнцева Н.М. Св. Сергей Радонежский и литература XX века // *Stephanos*. 2014. № 6. С. 12–24.

Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

References

Klyuchevsky V.O. *Znachenie prepodobnogo Sergiia dlia russkogo naroda i gosudarstva* [The meaning of St. Sergius for the Russian people and state]. In: Klyuchevsky V.O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i etudy. Dnevniky* [Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. М.: Mysl', 1993, pp. 93–106 [in Russian].

Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Rus]. In: Likhachev D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works: in 3 Vols.]. L., 1987, Vol. 3, pp. 312–324 [in Russian].

Lyubimov I.M. *Zastupnik Moskvy «prepodobnyi Sergii Radonezhskii* [The Protector of Moscow — venerable Sergius of Radonezh]. In: Lyubimov I.M. *Maloznakomaiia Moskva* [Unfamiliar Moscow]. М.: Gelios ARV, 2003, pp. 15–24 [in Russian].

Nichiporov I.B. *Prepodobnyi Sergii Radonezhskii v russkoi literature XX veka* [Venerable Sergius of Radonezh in the Russian literature of the twentieth century]. *Moskovskie eparkhial'nye vedomosti* [Moscow Diocesan News], 2013, no. 9–10, pp. 95–97 [in Russian].

Pentkovskiy A.M. *Studiiskii ustav i ustavy studiiskoi traditsii* [Student charter and charters of the studio tradition]. *ZhMP* [Journal of the Moscow Patriarchate], 2001, no. 5, pp. 69–80 [in Russian].

Skrynnikov R.G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv.: Podvizhniki russkoi tserkvi* [State and Church in Russia XIV–XVI centuries: The Devotees of the Russian Church]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 397 p. [in Russian].

Solntseva N.M. *Sv. Sergii Radonezhskii i literatura XX veka* [St. Sergius of Radonezh and literature of the twentieth century]. *Stephanos*, 2014, no. 6, pp. 12–24 [in Russian].

Toporov V.N. *Ob odnom arkhainom indoevropaiskom elemente v drevnerusskoi dukhovnoi kul'ture* [About one archaic Indo-European element in the Old Russian spiritual culture]. In: *Iazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and the problem of translatability]. М., 1987, p. 191 [in Russian].

Fedotov G.P. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. М., 1990, p. 150 [in Russian].